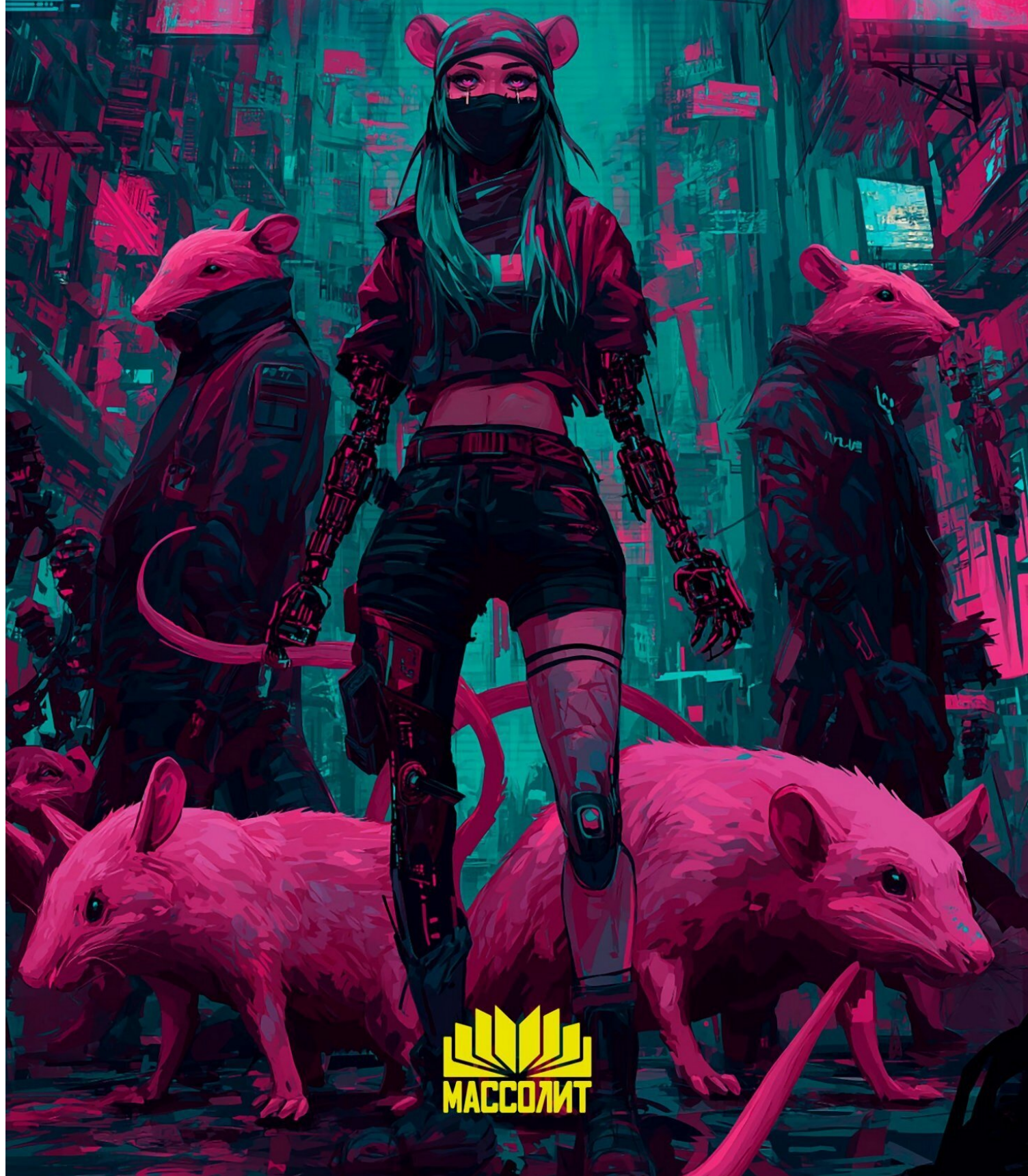

ДЖЕК ЧАД

КИБЕРЛЕНИНГРАД 7700

МАССОЛИТ

Джек Чад

КиберЛенинград 7700

«Массолит»

2026

Чад Д.

КиберЛенинград 7700 / Д. Чад — «Массолит», 2026

ISBN 978-5-6056950-3-5

Санкт-Ленинград будущего – настоящий рай на земле. Здесь реализованы все мечты человечества, а любые желания исполняются мгновенно и за достаточно небольшую плату. Однако есть и те, кто не прижился в дивном новом мире: люди-крысы, обитающие в низших отделах городской канализации. Восьмилетняя Марина теряет родителей в пожаре из-за халатности госслужб и оказывается в детском доме, откуда вскоре бежит из-за невыносимых условий содержания. Люди-крысы спасают её и делают своей королевой. Сердцем королевы людей-крыс владеет жажда мести системе, которая кажется такой прекрасной одним, но работает за счёт горя других. Марина ведёт свой народ на партизанскую информационную войну против корпораций, создающих иллюзию рая.

ISBN 978-5-6056950-3-5

© Чад Д., 2026
© Массолит, 2026

Содержание

Глава 1. Рай наверху, огонь внизу	5
Глава 2. Детский дом и первая трещина	8
Глава 3. Побег в канализацию	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Джек Чад

КиберЛенинград 7700

Глава 1. Рай наверху, огонь внизу

Киберленинград–7700 выглядел так, как его показывали в рекламных роликах.

Сверху город был ровным и светлым. Гладкие фасады домов, чистые улицы, мягкий неон на перекрёстках и аккуратные голографические вывески. На площадях висели слоганы о том, что «здесь сбываются мечты» и что «любой запрос обрабатывается мгновенно». В витринах сервисных центров мелькали интерфейсы: выбери желание, укажи способ оплаты, дождись доставки.

Марина жила с родителями в одном из средних районов. Их дом не был самым престижным, но и не считался плохим. Обычный многоэтажный блок, внизу – автоматический магазин, одна точка быстрого питания и пункт выдачи заказов. Во дворе – пара скамей, детская площадка, несколько камер наблюдения на столбах.

Утро начиналось примерно одинаково.

Мать включала кухонную панель, заказывала стандартный завтрак. На экране всплывали подсказки: «Сегодня доступен спецтариф на еду», «Ваш рейтинг позволяет получить скидку». Отец просматривал новости и сообщения от городских служб. Там всегда говорили про стабильность, новые программы поддержки и улучшения качества жизни.

– Смотри, – однажды утром он показал Марине. – Опять пишат, что уровень аварий снизился на двадцать процентов. Всё под контролем.

Марина кивнула, хотя ей эти цифры были не очень понятны. Ей было восемь лет, она больше обращала внимание на то, что у них иногда появляются новые игрушки или обновляются обучающие программы на домашнем терминале.

После завтрака отец уходил на работу в один из офисов обслуживания системы. Он занимался проверкой заявок и жалоб, но дома редко об этом рассказывал. Мать подрабатывала удалённо, выполняла мелкие задания через городской портал: отмечала качество товаров, участвовала в опросах, иногда помогала кому-то с документами.

Всё выглядело достаточно спокойно. Семья жила не богато, но и без видимых проблем.

Иногда вечером они выбирались в центральный район.

Там было ярче: большие экраны, более дорогие кафе, зоны развлечений. Марина любила смотреть, как люди подходят к терминалам, выбирают себе впечатления, покупают виртуальные туры или временные улучшения. Её родители иногда тоже позволяли себе что-то небольшое: доступ к новому фильму, короткую прогулку по имитации старого города, скидку на обновление одежды.

При этом часть разговоров всё равно возвращалась к деньгам.

– Если будем много заказывать, уйдём в минус по кредитам, – напоминал отец. – Система даёт обещания, но потом всё равно считает.

– Зато всё удобно, – отвечала мать. – Без неё было бы хуже.

Марина запоминала эти фразы, но не придавала им особого значения. Для неё город был просто местом, где всё уже устроено. Она ходила в школу, пользовалась школьным планшетом, слушала наставников, которые рассказывали, как хорошо жить в Киберленинграде и как важно поддерживать свой рейтинг.

В тот день, когда всё изменилось, ничто не намекало на что-то особенное.

Утро началось как обычно. Завтрак, новости, несколько замечаний от городской системы о том, что скоро им нужно будет подтвердить данные по страховке жилья. Отец мельком заме-

тил, что некоторые проверки у служб задерживаются, но сказал это скорее в сторону, чем кому-то конкретному.

– Главное, чтобы они вовремя осмотрели проводку, – пробормотал он. – Писали же, что в нашем секторе будут плановые работы.

Днём Марина была в школе. Занятия шли по стандартной программе. Учитель выводил на экран примеры задач, показывал, как пользоваться городскими сервисами, напоминал, что система всегда заботится о гражданах. После уроков детей забирали или родители, или городские курьеры, если заказывали сопровождение.

Вечером дома всё было спокойно.

Мать готовила простой ужин через панель, отец что-то проверял в личном кабинете на терминале. Марина сидела на полу и собирала конструктор, который ей подарили недавно за хорошее выполнение образовательных модулей.

Примерно к ночи в квартире стало немного душно.

– Странно, – заметила мать. – Обычно система сама регулирует температуру.

Отец подошёл к панели климат-контроля, нажал пару кнопок. На экране высветилось: «Ведутся технические работы. Пожалуйста, подождите». Потом короткое сообщение городских служб: «В вашем секторе проводится плановая проверка. Возможны временные ограничения».

– Вот и проверка, – устало сказал он. – Главное, чтобы без сюрпризов.

Через некоторое время в коридоре послышался какой-то звук, напоминающий щелчок. Потом появился слабый запах гари.

Сначала никто не придавал этому значения. В больших домах иногда что-то подгорало у соседей, и система обычно быстро реагировала. Вентиляция включалась, приходили уведомления, иногда кто-то из служб поднимался проверить.

На этот раз уведомления не пришли.

Запах усиливался. Мать выглянула в коридор, потом вернулась.

– Похоже, у кого-то проблемы с проводкой, – сказала она. – Надо бы системы оповещения проверить.

Отец снова подошёл к терминалу. В разделе «Безопасность» значилось: «Система в норме. Пожарных сигналов не зафиксировано». Кнопка «Сообщить о проблеме» не реагировала сразу, а выдала стандартный ответ: «Ваш запрос поставлен в очередь. Среднее время обработки – 15 минут».

Через несколько минут дым стал виден не только по запаху.

Он стал тянуться снизу, из подъезда. В окно было видно, что где-то ниже по этажам мелькают проблески света. Но никаких звуков пожарной тревоги по-прежнему не было. Ни сирен, ни голосовых объявлений.

– Собираемся, – спокойно, но жёстко сказал отец. – Берём самое необходимое и выходим.

Марина успела взять только куртку. Мать схватила документы и небольшой пакет с вещами. Они вышли в коридор. Там дым уже был гуще. По лестнице снизу доносились голоса и кашель. Люди пытались подняться, кто-то кричал в сторону датчиков, требуя включить сигнализацию.

Автоматические системы молчали.

Они пытались спуститься, но через пару пролётов стало понятно, что ниже уровень дыма слишком высок. Отец сказал, чтобы они вернулись на свой этаж и попробовали выйти на крышу или к другому выходу. Двигались быстро, но без паники.

Потом события стали развиваться быстрее, чем успевала фиксировать Марина.

В какой-то момент их разделила группа людей, поднимавшихся вверх. Кто-то толкнул, кто-то потащил в сторону, чтобы пройти. Марина потеряла руку отца, потом перестала видеть мать. Она услышала, как кто-то кричит её имя, но направление было неясным.

Её вывели на улицу соседи, которые тащили сразу нескольких детей.

Снизу уже работали простые пожарные бригады, не из рекламных роликов, а обычные. Пламя было видно в нескольких окнах. Вскоре подъехали дополнительные машины. Людей выстраивали на расстоянии, проверяли, кто выбрался.

Марина стояла в стороне, прижимая к себе тонкую куртку. Её имя кто-то записал в планшет как «эвакуированная». Родителей рядом не было. Их долго искали по спискам, сверяли данные. Потом сообщили, что они числятся среди тех, кто не вышел.

Официально всё это позже назвали «несчастливым случаем» из-за «локального сбоя в системе контроля и задержки обработки заявок». В отчетах написали, что пострадавшим оказана помощь. В разделе новостей это упомянули кратко, без подробностей.

Марину оформили как ребёнка, оставшегося без попечения родителей.

Служба опеки сработала быстро. На следующий день ей выдали временные вещи, провели через стандартную процедуру, внесли в базу. Ей объяснили, что она не останется без внимания, что государство и система позаботятся о её будущем. На экране в приемном центре мелькали всё те же слоганы о том, что город создан для людей.

Через несколько дней её перевели в детский дом, который значился в каталоге как «современное учреждение с повышенными стандартами». На фотографиях он выглядел светлым и чистым. В описании говорилось о заботе, индивидуальном подходе и цифровом сопровождении.

Марина молча смотрела на эти красочные картинки, сидя в машине службы опеки. За окном КиберЛенинград-7700 жил своей обычной жизнью. Рекламные панели продолжали рассказывать о том, как быстро исполняются желания, если правильно оформить заявку и вовремя оплатить услугу.

Глава 2. Детский дом и первая трещина

Детский дом, в который привезли Марину, снаружи выглядел аккуратно.

Здание было невысоким, с ровным фасадом светлого цвета. На входе висела табличка с официальным названием и небольшим лозунгом о заботе о детях. Рядом на стене был экран, показывающий рекламный ролик: довольные дети, светлые комнаты, улыбочивый персонал. Ролик повторялся по кругу.

Внутри первое впечатление тоже было не самым плохим.

В приёмной стоял чистый стол, за которым сидела женщина в форменной одежде. На стенах висели плакаты о правах детей и возможностях системы. В углу тихо работал терминал, на котором отображались графики посещаемости и показатели «успешной социализации». Марине предложили присесть и подождать, пока оформят документы.

Женщина за столом заполнила несколько электронных форм и спросила у Марины имя, фамилию, возраст.

– Родители погибли при пожаре, – указала она в форме. – Причина: несчастный случай. Ответственные службы: расследование завершено, нарушений не выявлено.

Фраза прозвучала так, будто это просто один из пунктов, который надо отметить, чтобы анкета считалась полной. Марина слушала, но не вмешивалась. Она ещё плохо понимала, что означают слова «расследование завершено», но интонация была такой, как будто к этой теме не собираются возвращаться.

После оформления её повели в корпус, где жили дети.

Коридоры были длинными, со светлыми стенами и одинаковыми дверями. В некоторых местах висели камеры наблюдения. В углу каждого пролёта стояло небольшое устройство, напоминающее коробку с лампочкой – это было обозначено как «модуль контроля доступа». Двери в комнаты открывались по карточкам, которые выдавали воспитанникам и персоналу.

Её привели в комнату на несколько человек.

Там уже жили три девочки примерно её возраста. У каждой была своя кровать, небольшой шкафчик и полка для личных вещей. Окно выходило во внутренний двор. На стене висел плоский экран, который показывал расписание дня: подъём, завтрак, занятия, прогулка, свободное время, отбой.

– Это Марина, – сказала сопровождающая. – Будет жить с вами. Помогите ей освоиться.

Потом она ушла, не давая дополнительных объяснений.

Девочки представились по очереди. Одна сказала, что здесь уже третий год, другая – что попала недавно из другой области. Все говорили спокойным голосом, без особого интереса, как будто привыкли к тому, что кто-то приходит и остаётся.

Расписание оказалось жёстким, но понятным.

Подъём по сигналу системы. Свет включался автоматически. Через несколько минут дверь открывалась, и воспитательница заходила проверить, все ли встали. Завтрак в общей столовой, где каждому выдавали одинаковую порцию. Потом занятия в учебном классе, где на экране проводили уроки по стандартной программе. Воспитательница следила за дисциплиной, отмечала присутствие.

Свободного времени было немного, и оно тоже контролировалось.

На прогулку выводили по группам во двор, окружённый высоким забором. Камеры там тоже были. Игровой инвентарь присутствовал, но в ограниченном количестве. Разговоры между детьми редко выходили за рамки простых тем. Многие боялись говорить лишнее про свои семьи и прошлое.

Марина быстро заметила разницу между тем, как учреждение выглядит на бумаге, и тем, как всё устроено на самом деле.

На панелях в коридоре показывали отчёты о «высоком уровне заботы» и «индивидуальной работе». На деле воспитатели были уставшими, часто разговаривали сухо, иногда просто переключались на формальные фразы. Они следили, чтобы дети были по местам, вовремя приходили и не нарушали расписание.

Однажды Марина попыталась спросить о пожаре.

Она подошла к одной из воспитательниц, когда та проверяла комнату.

– А можно узнать, нашли ли тех, кто был виноват в том, что случилось с нашим домом? – осторожно спросила она.

Воспитательница вздохнула и посмотрела на неё так, будто этот вопрос уже слышала раньше.

– Марина, по этому поводу уже всё оформлено, – сказала она. – Был несчастный случай. Такие вещи решают специальные органы. Тебе сейчас важно думать о будущем, а не возвращаться к прошлому.

– Но там ничего не сработало, – тихо сказала Марина. – Ни сигнализация, ни оповещения...

– В отчётах написано, что система среагировала, – перебила воспитательница. – Просто так бывает, что не успевают всё предотвратить. Мы не можем это изменить. Иди лучше на занятия, не задерживайся.

Разговор закончился. Воспитательница больше к этой теме не возвращалась.

В классе Марина попробовала задать похожий вопрос наставнику на экране. Во время одного из уроков по безопасности он рассказывал, как правильно вести себя при срабатывании системы оповещения.

– А если система не срабатывает? – спросила она вслух.

Наставник, видимый на экране, продолжал говорить по программе и не услышал её. Ответила только воспитательница в зале:

– В нашем городе система всегда срабатывает. Не придумывай лишнего.

Марина почувствовала, что любое упоминание о сбое воспринимается здесь как что-то нежелательное.

Условия в детском доме тоже постепенно раскрывали свою другую сторону.

Еда была в основном однообразной. На завтрак каша, на обед суп и что-то второе, на ужин простое блюдо. Иногда чего-то не хватало, и объясняли это тем, что «поставка задержалась» или «система перераспределила ресурсы». Вещи выдавали по стандарту, без права выбора. Если что-то рвалось, замену приходилось ждать.

Персонала было мало, и он часто торопился.

Воспитательницы не успевали разговаривать с каждым. Если кто-то из детей переживал или плакал, его успокаивали короткими словами и отправляли заниматься чем-то другим. Об индивидуальном подходе, о котором говорили в рекламе, напоминали только плакаты на стенах.

Ночью в коридорах иногда можно было услышать разговоры взрослых.

Марина случайно подслушала один из них, когда проснулась от шума и вышла за водой. Две воспитательницы обсуждали, что им урезали надбавки и что отчёты по показателям «удовлетворённости детей» приходится заполнять формально. Одна сказала:

– Главное – чтобы по документам всё было красиво. Приедут проверяющие – покажем им панель, пару отремонтированных комнат, а остальное их не интересует.

Марина молча вернулась в комнату. Эти слова хорошо укладывались в то, как всё выглядело на самом деле.

Однажды в детский дом пришла комиссия.

Это было заметно сразу: персонал стал суетиться, в коридорах появилось больше взрослых в строгой одежде. Двери в некоторые комнаты прикрыли, кое-где быстро наводили поря-

док. Детей заранее предупредили, что нужно отвечать на вопросы вежливо, говорить о школе, еде и занятиях.

Комиссии показали учебный класс, одну из самых аккуратных комнат, спортивный уголок. На экране в коридоре включили презентацию про «успешную интеграцию выпускников». Несколько детей, в том числе Марину, попросили повторить заранее отрепетированные фразы. Всё выглядело организовано.

Никто из проверяющих не пошёл смотреть склад, где иногда не хватало вещей, или те комнаты, где стены уже давно требовали ремонта. Они смотрели в основном на цифры в отчётах и диаграммы на экранах. В конце представитель комиссии сказал:

– В целом учреждение соответствует заявленным стандартам.

После ухода комиссии жизнь вернулась к прежнему порядку.

Для Марины это стало первой заметной трещиной в картине города. На экране и на бумаге всё было аккуратно и продуманно. В реальности в детском доме слишком многое держалось на усталости персонала и на том, что дети привыкли не задавать лишних вопросов.

Она всё ещё не знала, что будет дальше. Но уже понимала, что система, которая обещает рай, не всегда готова признавать свои ошибки. И то, что случилось с её домом, для отчётов оказалось просто строкой в разделе «несчастные случаи», о которой здесь никто не хотел говорить.

Глава 3. Побег в канализацию

Прошло несколько недель, и для Марины жизнь в детском доме стала понятной, но тяжёлой.

Каждый день был похож на предыдущий. Подъём, завтрак, занятия, прогулка, ужин, отбой. Расписание почти не менялось. Если что-то и отличалось, то только мелочами: иногда в столовой давали другой суп, иногда урок по безопасности заменяли уроком по истории города. Но в целом всё ощущалось одинаковым и немного чужим.

Марина пыталась привыкнуть, но ей это давалось трудно.

Иногда она просыпалась ночью и вспоминала квартиру, родителей, утренние разговоры на кухне. В детском доме таких разговоров не было. Здесь взрослые говорили в основном о списках, отчётах и дисциплине. О личной жизни детей почти никто не спрашивал, если только нужно было заполнить очередную форму.

Условия постепенно становились жёстче.

Однажды в коридоре повесили новое объявление: «В связи с обновлением системы безопасности прогулки сокращаются до тридцати минут в день». Объяснялось это тем, что службе нужно оптимизировать маршруты и сократить нагрузку на персонал. Дети отреагировали недовольным шёпотом, но вслух почти никто не возражал.

В другой раз им сообщили, что теперь двери в комнаты ночью будут запираются автоматически, и выйти можно будет только по специальному запросу через панель у двери. Запросы обещали рассматривать «в течение разумного времени», но на практике это означало, что лишний раз никто не станет звать воспитателя.

Марина почувствовала, что свободы движения стало ещё меньше.

С другими детьми она общалась мало, но со временем всё-таки сблизилась с несколькими. Одна девочка по имени Лера рассказала, что тоже лишилась семьи при аварии, и её случай тоже был оформлен как «несчастный». Другой мальчик, Саша, попал сюда после того, как у него «исчерпался кредит доверия» в системе – родители не выдержали долговой нагрузки и исчезли, а его забрали органы опеки.

– Здесь не любят, когда мы спрашиваем, почему так, – сказал он однажды. – Говорят, что система всё равно лучше знает.

Разговоры между детьми были короткими и обрывочными. Они не представляли себе, куда можно пойти, если не подчиняться. Для большинства детский дом был единственным местом, где их хоть как-то учитывают.

Марина всё чаще возвращалась мыслями к тому, что рассказывали о городе сверху: о том, что желания выполняются, что есть разные уровни доступа, что можно «выстроить свою траекторию». Её собственная траектория сейчас выглядела как замкнутый коридор.

Мысль о побеге появилась не сразу.

Сначала она просто отмечала детали. Например, то, как работают камеры в коридорах. Иногда по вечерам одна из них мигала, как будто связь с центральной системой была нестабильной. В такие моменты на панели возле двери загоралась жёлтая индикация, а потом снова становилась зелёной.

Ещё она заметила, что одна из дверей, ведущих к техническому выходу, закрывается не до конца. Замок там был старый, и если её закрывали не слишком аккуратно, она оставалась чуть приоткрытой. Однажды Марина видела, как через неё быстро проскользнул один из техников, которого потом долго не могли найти, когда понадобилось.

Она начала отмечать, в какие часы в коридорах меньше всего движения.

К вечеру, после ужина и перед отбоем, персонал был занят тем, что следил за общими группами. Ночью, уже после сигнала ко сну, воспитательницы обходили комнаты только по расписанию и иногда задерживались в маленькой комнате отдыха, обсуждая своё.

Марина понимала, что в восемь лет одной бежать через весь город было рискованно. Но оставаться здесь и ждать, пока её жизнь полностью растворится в расписании, ей казалось ещё хуже. Она по-детски формулировала это так: «Если я останусь, то ничего никогда не изменится».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.